

Отто фон Бисмарк в восприятии публицистов Российской империи

Алексей Ипатов

Otto von Bismarck in the eyes of Russian Empire's journalists
Alexey Ipatov (Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy, Russia)

Практически все периодические издания пореформенной России, независимо от того, к какому направлению они принадлежали, уделяли большое внимание освещению событий и процессов, происходивших за рубежом, преимущественно в Европе. Этому способствовали и любопытство читателей, и гораздо менее придирчивое отношение цензоров, и возможность по своему усмотрению перерабатывать и перетолковывать многочисленные и разнообразные материалы иностранной печати. Неудивительно, что войны и политическая борьба в Германии вызывали при этом повышенный интерес, поскольку они непосредственно влияли на положение России, на границах которой возникала ещё одна обширная и мощная империя. Естественно, немало было написано и о её творцах, и прежде всего о наиболее заметном и выдающемся из них – О. фон Бисмарке. Но, к сожалению, восприятие его личности и политики русскими публицистами второй половины XIX в. до сих пор исследовано лишь фрагментарно¹. Между тем ими рассматривались, в той или иной мере, самые разные аспекты – от черт характера и особенностей темперамента Бисмарка до

© 2015 г. А.М. Ипатов

¹ См.: *Нарочницкая Л.И.* Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1960; *Оболенская С.В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977; *Роотс Л.К.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863–1864 годах. Таллин, 1957; *Шнеерсон Л.М.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав (из истории «германского вопроса»). Минск, 1962; *он же.* Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-пруских и русско-французских отношений в 1867–1871 гг. Минск, 1976; *Ревуенков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957; *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 года и помещичье-буржуазное мнение России // Исторические записки. 1961. № 69. С. 101–141; *Сказкин С.Д.* Конец австро-руско-германского союза 1879–1885. М., 1974; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968; *Виноградов К.Б.* Бисмарк, европейская дипломатия и общественность в 1865–1871 годах // Новая и новейшая история. 1985. № 1. С. 126–144; *Хевролина В.М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х – начало 80-х годов XIX века. М., 1986; *Чубинский В.В.* Бисмарк: политическая биография. М., 1988; *Власов Н.А.* Великий Бисмарк. «Железом и кровью». М., 2011; *Жарких Е.В.* Германия и немцы глазами русских в конце XIX – начале XX веков: социально-экономические аспекты восприятия. Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2005; *Юртаев С.А.* Внешняя политика О. фон Бисмарка в 1871–1890 годах в отражении общественного мнения России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Ладыгин А.В.* Образ Германии в сознании российского общества в 1870–1890 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010; *Ипатов А.М.* Личность и деятельность Отто фон Бисмарка в оценках российской политической и интеллектуальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

его методов принятия решений и представлений о роли Пруссии и Германии в мире.

При этом отечественные публицисты зачастую не разграничивали частную жизнь и государственную деятельность Бисмарка, стремясь создать некий цельный образ или передать своё впечатление. Весьма выразительный портрет оставил в своих мемуарах на страницах «Исторического вестника» В. Алексеев, который, будучи студентом, преподавал Бисмарку русский язык, когда тот был прусским посланником в Петербурге: «Несмотря на сравнительно ещё не старые годы (ему было тогда не более 45 лет), на голове его уже была значительная лысина. Передо мной стоял высокого роста, широкоплечий господин с густыми усами и такими же бровями. Над усами, на верхней губе замечен был шрам от довольно глубокой раны, полученной им, как я слышал, во время одной дуэли в его молодости»². Могучая фигура Бисмарка, отмеченная многими современниками, видимо, ассоциировалась и с его образом действий. Так, по словам Е.И. Утина, «Бисмарк уважал силу, потому что он видел, что только ею можно достигнуть того, чего не в состоянии были достигнуть идеи, вздохи, платонические возгласы и нравственное томление немцев»³. «Чем-то первобытным несёт от его силы, – полагал Н.К. Михайловский. – Каждый шаг его запечатлен решительностью, он никогда не развязывает узлов, но никогда не задумывается разрубить любой. Он никогда не рассуждает, никогда не сомневается, никогда не колеблется. Он просто берёт на себя ответственность»⁴. Автор теории «героя и толпы», он неоднократно упоминал в своих статьях о Бисмарке, видя в нём деятеля, способного в век «обезличивания» своим примером наглядно продемонстрировать роль личности в решении крупных исторических задач.

Вместе с тем образ Бисмарка в русской публицистике зачастую складывался на основе стереотипных представлений о «прусском юнкере». Исходя из этого, ему приписывались те или иные политические идеалы и предпочтения (в частности, тяготение к абсолютной монархии, не ограниченной ни конституцией, ни парламентом, или стремление покрыть «прусской каской каждого немца»⁵). Со временем же произошла своеобразная метаморфоза, и сам «железный канцлер» стал, в свою очередь, восприниматься как «идеальный прусский юнкер» (по мнению Р.И. Сементковского, даже «заурядный»⁶). Теперь уже по его высказываниям и действиям судили о Пруссии, а затем и Германии в целом, а его имя нередко становилось их символом или даже синонимом. К примеру, сотрудники «Отечественных записок» неоднократно с некоторой иронией писали о германском канцлере как о «человеке железа и огня», резко изменившем репутацию немцев. Если раньше о них говорили как о высококультурном и миролюбивом народе, то теперь типичный житель Германии, как правило, представлялся грубым и не терпящим возражений милитаристом, решающим все вопросы с помощью силы.

При этом Бисмарк едва ли не всегда рассматривался как сугубо «практический политик», чуждый каких-либо доктрин и стремящийся исключительно

² Алексеев В. Воспоминания бывшего учителя русского языка князя Бисмарка // Исторический вестник. 1894. № 11. С. 449.

³ Утин Е.И. Практическая философия XIX века // Вестник Европы. 1873. № 5. С. 194.

⁴ Михайловский Н.К. Граф Бисмарк // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1909. С. 85.

⁵ Голос. 1870. 31 июля. С. 6.

⁶ Сементковский Р.И. Бисмарк // Ришелье. Оливер Кромвель. Наполеон I. Князь Бисмарк: биографические очерки. М., 1994. С. 255.

но к достижению национальных интересов Пруссии, а позднее – единой Германии. Как утверждал Утин, у него «не было своих идей, своих принципов, кроме одного принципа выгоды, пользы, которые могли бы идти вразрез с мечтой немецкого народа. Он никогда не знал, что значит принцип, да при том и признавал глупостью стеснять себя какими бы то ни было отвлечённостями»⁷. Прагматизмом обычно объяснялась и внешняя политика Бисмарка. Кн. В.П. Мещерский был уверен, что «Бисмарк не потерял ни одной минуты даром на своём дипломатическом посту в Петербурге, послужившем ему преддверием и очень полезной школой для его будущей всемирной карьеры»⁸. «С самого начала своих отношений к России, – писал В. Тимирязев, – он исключительно держался интересов своей родины»⁹. «Вековая дружба, благодарность, оказанные услуги в прошлом – всё это для него лишь слова, лишённые внутреннего содержания..., – полагала Э.К. Пименова, сотрудничавшая в либеральных и демократических изданиях. – Пока Германия могла извлекать выгоды из России, у последней не было более преданного друга, чем Бисмарк»¹⁰.

Любопытно, что, когда речь заходила о следовании национальным интересам, германский канцлер часто противопоставлялся кн. А.М. Горчакову, которого и либералы, и демократы, и особенно консерваторы и националисты критиковали за слабость и стремление постоянно согласовывать свои действия с Европой. Если Бисмарк, писал Л.З. Слонимский, «твёрдо знал и чувствовал, что государственный человек может вдохновляться лишь потребностями и интересами своей собственной страны, и потому не придавал значения условным международным формулам и фикциям, предполагавшим веру в авторитет и единство Европы», то «князь Горчаков, наоборот, имел слабость к широким и туманным перспективам, в которых интересы России играли лишь подчинённую и второстепенную роль»¹¹. В печати Горчакова также обвиняли в плохой организации работы МИД (ставя в пример германское внешнеполитическое ведомство) и преобладании иностранцев среди российских дипломатов.

Болезненно воспринималось и влияние Бисмарка на внешнюю политику России конца 1870-х – 1880-х гг. «Было время, – напоминали в “Русском вестнике” вскоре после смерти Н.К. Гирса, – когда русская дипломатия шагу не ступала, не спросясь у немцев; когда выдающиеся её представители то и дело обращались к Бисмарку за советами, сами беспрестанно ездили за ними в Варцин и Фридрихсруэ, что подало повод покойному Каткову остроумно сравнить это паломничество с поездками русских удельных князей на поклон в Золотую Орду»¹². Неудивительно, что В.А. Грингмут несколько раз выражал сожаление о том, что Бисмарк родился не в России, и призывал «воспитать» таких политиков, которые будут столь же последовательно отстаивать государственные интересы¹³.

Прагматизм Бисмарка никогда не считался проявлением его ограниченности. Напротив, способности канцлера оценивались русскими публицистами

⁷ Утин Е.И. Практическая философия XIX века. С. 173.

⁸ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 184.

⁹ В.Т. Бисмарк в своих и чужих воспоминаниях // Исторический вестник. 1899. № 7. С. 285.

¹⁰ Пименова Э.К. Железный канцлер Бисмарк – творец Германской империи. М., 1914. С. 57.

¹¹ Слонимский Л. Князь Бисмарк в его отношениях к России // Вестник Европы. 1903. № 7. С. 319–320.

¹² Политическое обозрение // Русский вестник. 1895. № 2. С. 389.

¹³ Грингмут В.А. «Общественное министерство» // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Т. 4. М., 1910. С. 196.

весьма высоко. Ни у кого не вызывали сомнения его проникающая, незаурядная сила воли, умение прекрасно ориентироваться в сложной политической игре. Сементковский отмечал свойственную ему «уверенность в себе, хладнокровие в минуту опасности, меткость верно рассчитанного удара»¹⁴. Уже в 1892 г. Утин заявлял, что «имя его сохранит история, как имя гениального политика нашего столетия»¹⁵. Даже сотрудники демократического «Нового слова» признавали его явное превосходство над остальными государственными деятелями Пруссии, включая Вильгельма I, чья главная заслуга заключалась в том, что «он сумел выбрать для себя в руководители такую крупную личность, как Бисмарк, который, обладая недюжинными способностями, гибкой совестью и дьявольским самолюбием, сделался важным историческим оружием»¹⁶. Автор же консервативного «Русского вестника», подписавшийся «Е.Г.Г.», схожим образом характеризовал отношения Бисмарка с Фридрихом Вильгельмом IV: «Храня как подданный присягу верности, он как государственный деятель приложил всё старание к тому, чтобы отвращать пагубные последствия несостоятельности короля в деле как внешней, так и внутренней политики»¹⁷.

Эти суждения принадлежали людям, которые в целом не сочувствовали ни взглядам Бисмарка, ни его деятельности, относясь к нему без особой симпатии, а иногда и вовсе враждебно. Это двойственное отношение ярко проявляется у К.Н. Леонтьева, писавшего в конце 1880-х гг.: «Мне дорог Бисмарк как явление, как характер, как пример многим, хотя бы и доказано было, что он нам безусловный враг. Мне жалок Гладстон, который употребил силу своего характера и своего ума на то, чтобы сознательно двинуть когда-то великую, своеобразную родину свою как можно дальше по пути всё того же проклятого прогресса, всё той же уравнилительной бессмыслицы. Он жалок мне, хотя бы он был тысячу раз друг России»¹⁸.

При этом российских публицистов нельзя упрекнуть в том, что их оценка политики Бисмарка была недостаточно критичной. Скорее даже напротив, в их статьях звучали порою весьма жёсткие суждения. Журналисты «Вестника Европы» видели в его борьбе с палатой за военный бюджет во время конституционного конфликта наивысшее проявление деспотизма. «Он пламенно желает подавить все либеральные стремления нашего времени, и однако же нисколько не уважает прошлого», – сетовал один из сотрудников «Отечественных записок»¹⁹. Охранители, в свою очередь, упрекали Бисмарка за отсутствие строгих политических принципов и ту лёгкость, с которой он попеременно мог быть то консерваторм, то либералом, а то и социалистом. В этом ими усматривались черты «макиавеллизма» и «бонапартизма». «Строго говоря, – утверждал Утин, – у Бисмарка не было даже никакой программы внутренней политики, он не смотрел вдаль, не заглядывал в будущее, не задавался вопросом – по какому пути должна была идти Германия, когда не станет его, Бисмарка, основателя немецкой империи»²⁰. М.Н. Катков ещё в декабре 1870 г. сомневался в прочности бисмарковских достижений: «Немецкие патриоты думают, что с победами

¹⁴ Сементковский Р.И. Указ. соч. С. 255.

¹⁵ Утин Е.И. Вильгельм I и Бисмарк. Исторические очерки. СПб., 1892. С. 446.

¹⁶ Обзор заграничной жизни // Новое слово. 1894. № 7. С. 205.

¹⁷ Е.Г.Г. Бисмарк в своих воспоминаниях // Русский вестник. 1899. № 2. С. 548.

¹⁸ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Собрание сочинений К. Леонтьева. В 9 т. Т. 6. М., 1912. С. 267.

¹⁹ Граф Бисмарк // Отечественные записки. 1866. Т. 167. Июль. Кн. 2. 2-я паг. С. 64.

²⁰ Утин Е.И. Вильгельм I и Бисмарк. С. 412.

бисмаркизма начинается для Германии эпоха господства и преобладания. Увы! Не есть ли это скорее начало конца? Не есть ли это знаменье грядущей эпохи, когда другие займут вершины истории?»²¹. Отмечая тщательную подготовку войн 1864–1871 гг., журналисты-демократы указывали на то, что «Бисмарк предполагает чисто механический путь объединения, путь завоеваний и разжигания низких националистических инстинктов, он сколачивает из горячего железа и под горами человеческих трупов новую машину новой национальной Германии»²². «Увлекаясь идеей национализма, – полагали в “Новом слове”, – князь Бисмарк навязал Германии во всех отношениях узкую и себялюбивую политику, которую можно было поддерживать только политическими обманами и вооружениями, в основе которых лежали угрозы и насилие»²³.

Культуркампф, детально освещавшийся в российской печати, был встречен с энтузиазмом не только в демократических и либеральных, но и в консервативных изданиях (исключение составляли, пожалуй, лишь статьи К.П. Победоносцева в «Гражданине»²⁴). Воспоминания о позиции папы и ксёндзов в период польского мятежа 1863–1864 гг. явно ещё не изгладились. Не случайно в «Русской старине» отмечалось, что «железный канцлер» показал, «как нужно действовать с католическим духовенством, чтобы возвратить его на путь религии и истины»²⁵. «Гениальный политик, – писал позднее о Бисмарке Ф.М. Достоевский, – сумел оценить, может быть единый в мире из политиков, как сильно ещё римское начало само в себе и среди врагов Германии и каким страшным цементом может оно послужить в будущем для соединения всех этих врагов воедино»²⁶. Впоследствии В.А. Грингмут довольно ехидно комментировал свёртывание канцлером борьбы с папой: «Бисмарк, ни пред кем не склонявший своей гордой заносчивости, никогда не признававший себя побеждённым, склонился пред “жалким Ватиканским узником” и действительно пошёл в Каноссу, отменив свои грозные “майские законы” против католического духовенства»²⁷.

Внимательно следили отечественные публицисты и за взаимоотношениями канцлера с социал-демократами. При этом их возмущало, что Бисмарк долгое время не признавал факта встреч с Ф. Лассалем, у которого он, как считалось, позаимствовал идеи введения социального страхования и всеобщего избирательного права. В то же время в либеральных изданиях избегали оценочных суждений по поводу принятого в 1878 г. «исключительного закона» против социалистов (видимо, их сотрудники учитывали, что не только Германия, но и Россия столкнулась тогда с революционным терроризмом). Меры, направленные на ограничение деятельности «народной» партии, вызвали жёсткую критику лишь в «Отечественных записках».

²¹ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1870. М., 1897. С. 536.

²² Дело. 1871. № 2. С. 4.

²³ Политическое обозрение // Новое слово. 1894. № 4. С. 349.

²⁴ Победоносцев К.П. «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма / Под ред. В.В. Ведерникова. СПб., 2010. С. 54–86.

²⁵ Последняя польская смута. Рассказы очевидца. 1861–1864 // Русская старина. 1875. Т. 12. С. 126.

²⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. СПб., 1888. С. 182.

²⁷ Грингмут В.А. Кончина папы // Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. Т. 2. М., 1908. С. 237.

Российские публицисты довольно часто высказывали опасения относительно возможных претензий объединённой Германии на территории Австро-Венгрии (до 1806 г. входившие в состав Священной Римской империи германской нации) и губернии Остзейского края. Даже демократы считали действия Бисмарка враждебными империи Романовых. В их кругу никто не скрывал радости по поводу его отставки. Однако после его смерти Г. Иоллос одним из первых заявил, что напрасно в Европе опасались Германии при канцлерстве Бисмарка, поскольку главную свою задачу он, как последователь Realpolitik, видел в сохранении единства государства, которому могли пойти во вред новые войны. По мнению Иоллоса, «железный канцлер» доказал, что «видит дальше своих сотрудников и противников»²⁸.

В первые годы своего правления Вильгельм II нередко изображался в русской печати «идеальным» правителем, выгодно отличающимся от властного и деспотичного Бисмарка²⁹. Однако уже на рубеже XIX–XX вв. всё чаще сожалели об отсутствии «железного канцлера» рядом с импульсивным и непредсказуемым императором. По мере ухудшения российско-германских отношений к 1914 г. восприятие личности Бисмарка претерпело в российской периодике заметную трансформацию: из непримиримого врага он превратился в здравомыслящего сторонника сохранения мира между соседними империями и родственными династиями.

²⁸ Иоллос Г. Бисмарк. Письма из Германии // Вестник Европы. 1898. № 9. С. 334.

²⁹ См.: Иванов А.А., Репников А.В. «Зловещий лик Вильгельма Кровавого» (германский император в оценках русских консерваторов) // Родина. 2014. № 8. С. 15–18.

«Враг внутренний» – «враг внешний». Образы революции 1917 г. в русской сатирической журналистике

Татьяна Филиппова

«The enemy within» and «the enemy outside»: images of the 1917 revolution in Russia's satirical journalism

Tatiana Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В русских сатирических журналах периода революции 1917 г., в первую очередь в наиболее профессиональных, ярких, стабильно выходивших и популярных у читающей публики изданиях («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.), патриотические отклики на борьбу с «врагом внутренним» сочетались с критическим осмыслением проблем России, проявившихся в условиях жесточайшего кризиса. Примечательно, что все эти издания придерживались либеральной направленности. Разумеется, это был не «высокий» либерализм партийно-политической борьбы, а, скорее, повседневное свободомыслие значительной части интелли-